

Лейонис Аанрис ван Хааске

МОДЕЛИ И КОНЦЕПТЫ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО В СЛУЧАЯХ ДЕТСКОГО ВОСПРИЯТИЯ: ОПЫТ ИНТЕРНЕТ-ОПРОСА

Аннотация: исследование посвящено анализу сообщений о детском опыте столкновения с сверхъестественным. Источниковая база сформирована из результатов проведенного автором интернет-опроса. Автором проведена типологизация выборки из данных опроса и предложена трактовка полученных сообщений, соотносящая их как с традиционной фольклорной образностью, так и с психологическими причинами, лежащими в основе описанного респондентом события. Автор приходит к выводу о формировании своеобразного гипертекста в картине представления подобных случаев респондентами, включающего в себя как отсылки к традиционному фольклору, так и заимствования из массовой культуры. Вместе с этим, в ряде случаев автор ставит вопрос о возможности психологической трактовки приведенных описаний как случаев смешения сна и реальности или фантомных воспоминаний.

Ключевые слова: детские воспоминания, детские страхи, домовой, парамнезия, образы сверхъестественного, трактовка детского опыта во взрослом возрасте, фантомные воспоминания.

Abstract: the study is devoted to analyzing the reports of childhood experiences with the supernatural. The source base is formed from the results of Internet survey conducted by the author. The author carried out a typologization of the sample from the survey data and proposed an interpretation that correlates the survey responds both with traditional folklore imagery and the psychological reasons underlying the event described by the respondent. The author comes to the conclusion that a kind of hypertext in the picture of such cases represented by the respondents is formed, which includes both references to traditional folklore and borrowings from mass culture. At the same time, in a number of cases the author raises the question that a psychologi-

cal interpretation of the above descriptions as cases of mixing sleep and reality or phantom memories is possible.

Keywords: *childhood memories, childhood fears, brownie, paramnesia, images of the supernatural, interpretation of childhood experiences in adulthood, phantom memories.*

Проблематика и методология исследования

Взаимодействие с феноменами, рассматриваемыми в категориях сверхъестественного, является одной из самых широких по охвату и исследовательским подходам проблем в науках о человеке. Важнейшим уточнением для работы с такими феноменами, безусловно, становится тот факт, что определенная часть их проявлений является иррациональной [9]. Однако, при этом исследователи отмечают, что проблема сверхъестественного не является фундаментально непознаваемой и потому доступна для научного осмысления [16]. В этом контексте немаловажно отметить концептуальный подход к рассмотрению подобных феноменов с позиции объективного анализа и рациональной критики информации: заявления о подобном опыте «отражают не столько состояние реального окружающего мира, сколько внутренний мир заявителя» [12].

Таким образом, крайне актуальным становится вопрос о поиске новых подходов к исследованию опыта столкновения со сверхъестественным. Один из возможных подходов мы хотим представить в данном исследовании. Особенностью этого подхода является использование эмпирических данных и анализ сообщений в обращении не только к трактовке описательной модели, но и к комплексу причин, сформировавших этот опыт.

Эмпирическими источниками данного исследования являются материалы проведенного нами интернет-опроса «Сверхъестественное и паранормальное в современной городской легенде». Опрос проводился в июне-октябре 2021 года, и перед респондентами был поставлен ряд вопросов, предлагающих рассказать об их личном опыте взаимодействия с подобными феноменами. За время проведения опроса нами было получено не менее ста ответов респондентов. Опреде-

ленное число этих ответов было связано с рефлексией на события или явления, которые респондентами были отнесены к паранормальным или сверхъестественным и которые произошли с респондентами в детском возрасте. Все материалы опроса размещены в архиве Антропологического общества имени Г.Ф. Лавкрафта.

Таким образом, предметом рассмотрения данной статьи является феномен детских воспоминаний и страхов, связанных с опытом восприятия феномена сверхъестественного. Основными исследовательскими вопросами, в свою очередь, стал вопрос о форме бытования сверхъестественного в сообщении респондента и вопрос о трактовке респондентом этого события. Такой подход дает нам возможность рассмотреть восприятие сверхъестественного и как опыта взаимодействия с ним, и как опыта рефлексии этого феномена.

Восприятие сверхъестественного как опыта взаимодействия

При анализе *форм бытования сверхъестественного в сообщениях* нами было выделено четыре основных категории. Две из них связаны с образами людей (женщины и мужчины соответственно), также выделяются образы нечеловеческого происхождения, и образы, в которых основным проявлением является звуковое.

Первая категория – *женские образы*. Нами было выявлено три случая, когда персонификация образа паранормального или сверхъестественного приобрела женский образ.

Так, в первом случае события сводятся к появлению довольно зловещего вида женщины в комнате. Каких-либо дополнительных действий с ее стороны респондент не отмечает – эта женщина просто присутствует и исчезает, когда респондент пытается позвать маму [2/621] (*здесь и далее сообщения из архива Антропологического общества имени Г.Ф. Лавкрафта обозначаются в качестве источников по номеру записи – ЛвХ*).

Во втором случае практически отсутствует описание внешнего вида женщины, однако с ее присутствием связаны также активные действия: «она [*речь идет о матери респондента, рассказ записан с ее слов – ЛвХ*] проснулась по-

среди ночи, потому что рядом кто-то пел. Она сказала, что это была женщина, она напевала мелодию и складывала книги на тумбочке рядом с кроватью матери» [12/621].

Образ из третьего случая также можно охарактеризовать как «женщина в белом». Однако, ведущая модель действия в этой ситуации решительно различается – «женщина» как будто наблюдает за ребенком и уходит – это позволяет трактовать этот образ как «ангела-хранителя» [23/621] (по мнению непосредственной участницы, бабушки респондента). Также этот случай отличает элемент объяснения происходящего – возможно, это связано с участием в случае дополнительного свидетеля помимо ребенка.

Еще одной важной чертой сообщений, относящихся к этому образу, является то, что респонденты не сообщают о связанном с ним чувстве страха. Мы можем предположить, что такой формат отношения связан, собственно, с гендерной принадлежностью образа – женщина в принципе редко воспринимается как источник угрозы. Можно предположить, что в данном случае присутствует своеобразный перенос восприятия: женщина может быть соотнесена с образом матери, который, в свою очередь, не связан с негативными чертами восприятия [8].

Дополнительной характеристикой для сюжетов этой категории являются обстоятельства, связанные с явлением. Так, в первом случае появление женщины было связано с нетипичным поведением осветительных приборов (настольной лампы) [2/621], а во втором случае неизвестная женщина пела и раскладывала в стопку книги – и здесь то, что с утра книги были сложены в стопку, воспринимается респондентом как подтверждение правдивости произошедшего [12/621]. Впрочем, последнюю деталь можно использовать для попыток трактовки описанных в сообщении событий – можно допустить, что ребенок стал свидетелем того, как его мама или иная родственница делала уборку, но из-за сонного состояния не смог правильно выстроить картину событий, встроив в смешанное со сном воспоминание образ посторонней женщины [13]. Сведения

об обсуждении этой ситуации с родителями респондентом не приведены, поэтому какие-либо дополнительные оценки нам неизвестны.

Вторая категория – *мужские образы*.

Таких среди наших источников было обнаружено всего два.

Первый случай: «Я спала, открываю глаза, смотрю высокий человек в капишоне ходит по комнате, подумала, что дедушка, легла дальше спать, а «дедушка» вышел из комнаты, а через несколько минут входную дверь начал открывать реальный дедушка» [53/621]. В данном случае мы можем предположить случай своеобразной подмены сна и реальности – респондент мог или сквозь сон заметить перемещения дедушки и принять его за постороннего человека, или увидеть приход дедушки во сне. Сам респондент оценивает увиденное достаточно прямолинейно, приписывая это проявлению домового. В дальнейшем мы увидим еще несколько случаев подобной трактовки. Необходимо отметить, что случаи подобных «видений» и «явлений», произошедшие внутри дома или квартиры, вообще достаточно регулярно приписываются домовому в рамках выявленных нами источников. Это в целом совпадает с фольклорной трактовкой подобных явлений. Более подробно о случаях проявления домового как фольклорного персонажа рассматривались, например, В.П. Зиновьевым [6]. Признавая трактовку респондентом крайне субъективной и в целом не противоречащей фольклорной традиции, мы предпочтем считать, что в данном случае мы работаем с описанием случая спутанности состояния «сон-реальность».

Второе свидетельство этой группы достаточно сильно отличается от предыдущего. Очень ярко характеризует содержание этого сообщения краткое изложение событий респондентом: «Кто-то появился из неоткуда и погладил меня по голове» [60/621]. В целом, сюжет произошедшего именно таков, однако заслуживает внимания два эпизода в описании. Первый – связанный с внешностью «визитера»: «стоит мужик, одетый в джинсовую безрукавку и в джинсовых шортах (это я узнал, когда он отходил от меня) белокурый, длинноволосый, волосы завязаны в хвост» [60/621]. Немаловажной деталью в данном случае становится акцент на том, что сам образ не знаком очевидцу, и то, что этот об-

раз никак «никак не вяжется с тем, что показывают в фильмах ужасов» [60/621]. То есть, в данном случае само явление невозможно назвать пугающим.

Интересна в данном случае трактовка описанных событий самим респондентом: «Возможно просто разыгравшееся воображение. Прикид у него был, как мне тогда подумалось, похожий на американского дальнобойщика, и как раз в то время я фанател от фильма «изо всех сил» со Сталлоне, так что...» [60/621]. То есть, мы можем видеть стремление не мифологизировать явление, а, напротив, рационализировать его, свести к наиболее простым и логичным причинно-следственным связям.

Третья группа образов – это *образы, в которых антропоморфные ассоциации выражены в наименьшей степени или отсутствуют*. В данном случае респонденты отмечают схожесть существей с моржом [19/621], «смесью облезлого медведя, крысы и человека» [30/621], кошкой [39/621], а также присутствует прямое отождествление с домовым [39/621, 71/721]. Мы можем видеть здесь достаточно разнообразный набор образов, в связи с чем остановимся поподробнее на отдельных случаях.

В достаточно курьезно выглядящей ассоциации существи с моржом угадывается на самом деле достаточно типичный сюжет для встречи с домовым: «Видела сущность, вылезавшую из шифонера» [19/621]. Безусловно, мы могли бы быть крайне озадаченными сходством с моржом, однако можно допустить, что в детском сознании в темноте смутный и крайне необычный образ просто смешался с ближайшим схожим из известных.

Исключительный интерес представляет другое сообщение, обладающее весьма нетривиальным сюжетным элементом – попыткой похищения младенца: «Мать рассказывала, что видела, как меня (на тот момент еще младенца) пыталась забрать из кровати сущность, похожая на смесь облезлого медведя, крысы и человека» [30/621]. Здесь доминирующим компонентом становится не сам образ, как в предыдущем случае, а именно попытка похищения ребенка. В этом случае можно видеть определенные параллели с сюжетами «похищение младенца лешим» [6] в традиционном фольклоре. Помимо самой ведущей образно-

сти интерес представляет также механизм взаимодействия: «Видение исчезло после молитв» [6].

Важным компонентом этого свидетельства является то, что сам респондент на момент описываемых событий был младенцем, и, соответственно, не помнит описанных событий, приводя их по рассказу матери. И, следовательно, достаточно непосредственен в трактовках событий: в качестве ответа на вопрос о том, что является причиной описанных событий (вопрос №7 в нашем опроснике) респондент приводит следующее суждение: «Сочетание сонного паралича, бурной фантазии и глубокой религиозности моей матери» [30/621], сводя все к исключительно рациональным и сознательным причинам. Таким образом, можно допустить, что причиной формирования демонического антропоморфного образа стало именно влияние своеобразной околорелигиозной мифологии, которая впитала в себя некоторые элементы традиционной мифообразности.

Интересный и достаточно оригинальный элемент как образности, так и трактовки самого явления автором, представляет следующее сообщение: «Я знаю настоящий вид домового, а так же личины, что он может принимать. Легенды не врут, личина может быть как вашей кошки, так и мышей, но на задних лапах и в одежде (зеленый и коричневый тона), а также истинный вид примерно полтораметрового длинношестнолохматого существа с человеческими кистями рук, но с черными когтями, глазки маленькие, черные. Сама сущность темнополупрозрачная» [39/621].

Одновременно с этим, в рассматриваемом сообщении приводится достаточно оригинальный пример проявления домового в рамках концепции респондента: [*ответ на вопрос №7: «Как вы считаете, что является реальной причиной тех событий или явлений, которые вы описали?»*]: «Реально не знаю. Видела случайно, кроме одного момента. Мой очередной домовый просто не прятался ни от меня, ни от сына. Ходил по квартире не таясь. Сын, кстати, тоже видел. Почему уверена? потому что кошки телепортироваться не умеют из-за железной москитной сетки. И так спокойно ходит по квартире, прыгает и бегает «наша» кошка, а повернув голову видим настоящую нашу кошку, недоуменно

глядящую на это действие из-за сетки, а повернувшись посмотреть – «нашу» не находим нигде» [39/621]. Здесь присутствует своеобразная логическая последовательность: некоторая неразбериха с кошками (за окном и внутри квартиры) достаточно трудна для возможных толкований (банально: отражение кошки в окне, наличие похожей кошки на улице), становится поводом для вписания происходящего в мифологическую картину. Такая последовательность ни в коем случае не может считаться исключительной, но очень ярко показывает возможную логику формирования подобных рассказов о субъективном опыте. В свою очередь, примеры проявления домового в виде кошки в фольклорной традиции неоднократно описаны, что было отмечено нами выше.

Исключительно специфичный образ присутствует в сообщении 49/621. Сам респондент кратко характеризует событие как «видела неприкаянный дух» [49/621], чем задает определенный тон всему сообщению. Также респондент достаточно подробно приводит сведения о характере действий (проводжали тетю на остановку автобуса), описывает обстоятельства (летний вечер, вскоре после захода солнца). Свой возраст на момент события респондент оценивает в 8 лет: в этом возрасте ребенок уже вполне может запомнить ассоциативные цепочки, связанные с такими деталями. Сам образ, определяемый как «дух», описан в сообщении так: «Он был похож на человеческую (детскую?) фигуру, одетую в очень свободный балахон с капюшоном, полностью скрывающим лицо. Кистей и стоп тоже не было видно под этим покрывалом. Фигура стояла ко мне вполоборота, плавно отодвигаясь по ходу нашего шага» [49/621]. Согласно сообщению, фигура исчезла после попыток ребенка обратить внимание взрослых на нее, однако предшествовавший исчезновению визуальный контакт показал, что «под капюшоном ничего нет, чернота» [49/621]. То есть, фактическое соотнесение с человеком в данном случае отсутствовало. Несмотря на это, образ изобилует антропоморфными чертами – что, судя по всему, и дает автору возможность соотнести это явление с «неприкаянным духом» – в таком контексте это явление не противоречит историям о привидениях, однако мы не можем обна-

ружить прямых выраженных параллелей с классическими фольклорными сюжетами в данном случае.

Стоит отметить, что сам респондент не приводит каких-либо трактовок этого явления (на вопросы опросника №6 и №7 ответ отсутствует) – он просто сообщает о нем как о факте. Однако, в силу возраста респондента на момент события и отсутствия какой-либо реакции со стороны сопровождавших его взрослых («взрослые так ничего и не увидели» [49/621]) можно высказать предположение о своеобразном смещении реальности и детской фантазии, в дальнейшем «достроенном» за счет внешних образов (например, из массовой хоррор-культуры). Оправдывает это предположение то, что описываемый автором образ обнаруживает некоторое родство с так называемыми «хитчхайкерами» или сюжетом «исчезающая невеста» из американской традиции городской легенды, периодически цитируемыми в кинематографе или СМИ [4].

Интересным в подобном ключе оказывается также другое сообщение из нашего архива [63/721]. Этот случай также связан с уличным пространством, и, очевидно, имеет своей основой эпизод фантомных воспоминаний. Об этом говорит все: начиная от собственно высказанного респондентом предположения до общего характера повествования. Ведущий образ в данном случае описан следующим образом: «серый квадрат земли, заросший сухими кустами. И там, я отчётливо это помню, стоял дом. Огромный, пяти- или шестиэтажный, деревянный и весь какойто темный и обшарпанный. <...> Какое-то голубоватое свечение окружало его <...>» [63/721]. Если сам факт присутствия обшарпанного жилого дома посреди Санкт-Петербурга не вызывает какого-то недоумения (общезвестно, что «непарадные» дворы крупных городов иногда скрывают весьма запущенные части города), то описанное автором свечение невозможно считать сколько-нибудь естественным проявлением.

Однако, если в предыдущем случае речь шла о явлении в контексте городской среды, то здесь мы имеем дело с явлением, в котором специфические свойства проявляет сама городская среда. Мы в принципе можем предположить как легитимную модель мифологизацию определенных специфично выглядя-

щих мест окружающего мира как элемент детской фантазии – нетипично выглядящие, «странные» места могут приобретать дополнительные свойства и оттенки характеристик [7]. Так и в этом случае – невозможно отрицать возможность существования, выглядящего «пугающе» здания в Санкт-Петербурге, но можно считать проявлением фантазии свойства, которыми оно наделено в общении.

Ощущение фантастического в этом образе усиливается также описанием жителей этого здания: «Все они были какими-то серыми, блеклыми. Одеты были в невнятного цвета рваную одежду <...>. У них были ровные, безэмоциональные лица и, в контраст, огромные серые глаза, в которые мне было жутко смотреть. Они никогда не подходили к нам, просто провожали взглядом и что-то невнятно шептали» [63/721]. В этом случае мы можем видеть, что описание изобилует деталями, акцентирующими внимание на неестественности происходящего. Можно предположить, что это описание в принципе достаточно слабо связано с реальностью – и это служит дополнительным аргументом в пользу идеи о изначально фантазийном происхождении этого сюжета. Эта же гипотеза подтверждается и позицией самого респондента: «Я обошла весь остров, но не нашла и близко похожего места. Я до сих пор не уверена, что это действительно было» [63/721] и далее: «Возможно, это тоже ложное воспоминание» [63/721].

Проанализировав два этих кейса (№49/621 и №63/721) мы можем видеть два достаточно различающихся случая фантомных воспоминаний из детского возраста, которые обращаются к исследуемому нами феномену. Необходимо отметить, что случаи фантомных воспоминаний в принципе не являются исключительной редкостью [11], однако включение в их состав обращений к сверхъестественным явлениям заслуживает отдельного рассмотрения.

Еще один случай, в котором с нашей точки зрения присутствует элемент дополнения за счет фантазии каких-либо реальных сцен: «Существо гуманоидное обтекаемой формы без четко выделенной шеи и лица, из лица имелись только большие глаза. Существо стояло по пояс в болоте, образовавшемся на месте огорода в заброшенном доме. Я видел его с улицы сквозь дыру в заборе»

[70/721]. Здесь обращает на себя внимание сама стратегия описания: респондент использует достаточно точные формулировки, которые можно сравнить с полицейскими сводками особых примет. Это добавляет убедительности описанию, и такая манера изложения («существо гуманоидной формы») явно не свойственна ребенку, что дает возможность говорить о позднейшей авторской рефлексии явления в этом описании. Автор не дает каких-либо личных трактовок (в качестве ответов на вопросы №6 и №7 приведены «нет» и «не знаю»), и по сути само свидетельство оказывается исчерпывающим. Приведенная информация может позволить достаточно подробно реконструировать саму структуру инцидента. Ребенок видит что-то в дыру в заборе, и в связи с ограниченными условиями обзора замечает только достаточно абстрактные черты этого существа.

Также к группе сообщений, в которых в наименьшей степени выражена антропоморфная составляющая, нами было отнесено два случая с достаточно специфическими мотивами. Первый случай – эпизод под номером 61/721, связан с проявлением полупрозрачной руки с зеленоватым оттенком, которая предприняла несколько безуспешных попыток ударить респондента через подушку, и достаточно быстро дезертировала после обнаружения – самим респондентом охарактеризован как чрезмерно реалистичный сон, и мы не возьмем на себя ответственность по оспариванию этого утверждения. Отметим лишь определенную схожесть этого с некоторыми сюжетами типичных детских страшных историй – например, о «черной руке» [10].

Второй – эпизод кратковременного приступа коллективного индуцированного страха без выраженной этимологии. В этом эпизоде ярко прослеживается стартовая позиция: «я вдруг начала чувствовать себя неудобно, как будто в палате присутствует что-то враждебное, хотя раньше в этой же палате такого чувства не было» [67/721], развитие («я не сказала об этом, но вдруг другая девочка сказала, что ей почему-то не по себе, как будто кто-то за нами наблюдает. Я призналась, что чувствую похожее, тут и третья девочка сказала что-то в этом роде» [67/721]) и весьма показательная ритуализованная схема борьбы с нега-

тивным проявлением: «одна из нас обратила внимание на недавно купленный сборник сканвордов <...> и стала утверждать, что ощущение «не так» идёт от него. <...> Решили, что нужно перекрестить сборник и нарисовать ручкой христианские кресты в углу страниц. Когда это сделали, страх прошёл и больше не возвращался» [67/721].

Этот случай является очень показателен сам по себе в контексте формирования и развития специфических детских страхов. Здесь мы можем видеть отсутствие изначальной персонификации страха («вдруг начала чувствовать себя неуютно, как будто в палате присутствует что-то враждебное» [67/721]), схему передачи ощущения (девочки становятся уверенными в его реальности после обмена информацией о нем) и крайне любопытный способ борьбы с страхом через его символического носителя: внесение в «безопасное» пространство через религиозные символы и сопутствующие действия. Здесь можно найти определенные параллели с прочими феноменами, обращающимися к концептам сверхъестественного и развивающимся по сходной модели: например, ведовским процессам [1] или т. н. «эпидемической икоте» [14].

Четвертая группа, выделенная по превалирующему образу – это свидетельства, в которых визуальная составляющая отсутствует, а *формой представления являются звуковые феномены*. Нами было выделено три таких описания.

Первые два случая связаны с звуком шагов. Так, приводится описание шаркающих шагов, слышащихся по ночам в квартире [50/621] – что по мнению респондента безусловно связывается с присутствием домового. Среди дополнительной информации, приводимой респондентом, присутствуют видения некоего «страшного человека» («но однажды у нас в гостях ночевала моя старшая сестра и ночью разбудила меня и сказала, что в углу стоит страшный человек, я его не видела» [50/621]).

В другом сообщении [58/621] помимо шагов и звуков пребывания кого-то в комнате присутствует также эпизод тактильного контакта: «тут я почувствовала, как по макушке меня кто-то потрогал (погладил?) очень маленькой рукой» [58/621]. Сам респондент приводит прямую трактовку этого: «Думаю это был

домовой. Ничего плохого не сделал, но напугалась я сильно» [58/621], что ничуть не противоречит сложившемуся традиционному образу домового. Также не противоречат фольклорному образу дополнения, которые приводятся в сообщении для усиления позиции о домовом: «Вообще в той квартире я и мама слышали иногда странные звуки, например, бормотание ночью в коридоре на непонятном языке или что через стенку на кухне кто-то передвигает предметы» [58/621]. Все это вполне соотносится с фольклорными характеристиками для домового как персонажа [6]. Однако, мотив «кто-то передвигает предметы» может также встречаться в описаниях взаимодействия с феноменом полтергейста [4, с. 394–401]. Одновременно с этим, близок к постфольклорным трактовкам и следующий эпизод из этого же сообщения: «Вообще у нас был «нехороший» район, где с каждым происходила какая-то бытовая мистика. Раньше на том месте было кладбище» [58/621]. Здесь мы можем видеть достаточно распространенную концепцию восприятия мест упокоения усопших как «нехорошего места» и вписания подобных мест в феномен сверхъестественного. Однако, здесь присутствует явное «несовпадение трактовок»: домовый в фольклорной традиции воспринимается как локусный дух, связанный непосредственно с жилищем, и не сопричастный местам упокоения усопших, в том числе и бывшим.

Третьим случаем исключительно звуковых проявлений является эпизод, описанный самим респондентом как «крайне жуткие неестественные звуки из под дивана» [35/621]. Содержание этого эпизода лишено каких-либо изначальных сверхъестественных и паранормальных трактовок, и самим автором предприняты попытки рационализировать звуковые проявления, списав их на действия жука, попавшего под лист древесно-стружечной плиты. Какую-либо дополнительную образность выявить в данном случае не удастся, что непротиворечиво соотносится с авторским описанием.

Помимо образов в нашей выборке заслуживают отдельного рассмотрения также обстоятельства проявления описанного в сообщении феномена и характер реакции на него.

Обстоятельства проявления явлений, описанных в источниках

В вопросе об обстоятельствах проявления нами было выделено две основных оппозиции. Первая связана с временем суток и достаточно четко выстраивается как «ночь» и «день» с существенным преобладанием первой категории (9 случаев). Такая картина вполне согласовывается с традиционным представлением о ночи как «нечистом» времени, целиком и полностью отданном сверхъестественным или недружественным человеку силам. Кроме того, мы можем предположить определенную корреляцию между возникновением описываемых в свидетельствах ситуаций, временем суток и детским возрастом, объединяющим эти случаи: страх перед темнотой можно считать самым распространенным среди детей [15], а сама по себе темнота создает плодотворную почву для «дофантазирования» отдельных явлений и приписывания им специфичной образности.

Вторая оппозиция обстоятельств проявления связана с местом локализации событий. В данном случае она выстраивается выраженно как «дом» или «улица» с существенным преобладанием первой категории – в жилых пространствах происходит действие восьми сообщений. Сообщения, которые стали источниками для нашей работы, являются следствием личного опыта и рефлексии этого опыта – и в данном случае мы можем признать, что столкновение с исключительным или пугающим в домашней среде может оказаться намного более впечатляющим, так как дом сам по себе традиционно воспринимается как среда безопасная [3].

В вопросе об обстоятельствах происшествия особую роль, по нашему мнению, также играет акцент на состоянии сна – так, в восьми сообщениях респондент связывает происшествие именно с состояниями, близкими к сну: «внезапно проснулся», «во время засыпания» или связывает описываемое событие с причиной пробуждения. Это может быть дополнительным аргументом в пользу трактовки ряда свидетельств как рефлексии на исключительно выразительные сны или феномены, близкие к сонному параличу [12]. Интересным фактом здесь может быть то, что многообразие возможных форм проявления исключительно выразительных сновидений не ограничивается случаями, приведенными

нами в числе источников этой работы: аналогичная трактовка была выявлена в числе причин появления части сообщений об оборотнях в европейской мифологической традиции [2].

Наиболее близким к психологическим аспектам в данном исследовании становится вопрос о характерной реакции на явление, выступающее как основной мотив сообщения. Особенно показательным здесь становится наличие или отсутствие страха в момент самого явления – так, в пяти сообщениях из нашей выборки респондент отдельно указывает на отсутствие страха, связанного с явлением. О пугающем характере явления непосредственно сообщается в двух случаях, еще два респондента соотносят явление с персонификацией страха. Случаи, в которых констатируется отсутствие страха, можно рассматривать или как проявление детского любопытства, или достаточно позднее осознание экстремального характера ситуации: все они так или иначе связаны с состоянием сна или близкими к нему. Ярким примером такого случая может быть эпизод [12/621], в котором основным сюжетом является видение женщины, напевавшей песню и раскладывавшей книги – такая ситуация вряд ли может трактоваться как угрожающая или пугающая. Случаи, в которых, напротив, сделан акцент на страхе, связаны с тактильным контактом с неизвестной сущностью («домовой погладил по голове» [58/621]) или эпизодом коллективного страха [67/721], который выше был соотнесен нами с индуцированным расстройством.

К фантазиям или снам отнесено респондентами три эпизода, также в трех случаях, напротив, акцент сделан на уверенность респондента в том, что описанное событие сном не являлось. Такая полярная картина может рассматриваться как своего рода попытка или дать рациональное объяснение событиям (что, в свою очередь, может быть частью позднейшей рефлексии), или, напротив, сохранить нетипичную историю как часть реальности в своей личной внутренней мифологии [5]. При этом исключительно рациональное объяснение в качестве личной трактовки приведено респондентом в одном случае: это случай «крайне жутких неестественных звуков из-под дивана» [35/621], причиной события называется жук. Любопытной является трактовка случая [67/721], в ко-

торой, с одной стороны, приводится исключительно иррациональный способ борьбы с пугающим (нарисовать кресты на страницах сборника сканвордов, признанного источником страха, и перекрестить его), но с другой стороны сам же респондент приходит к высказанной нами трактовке события как эпизода индуцированного страха: «Это мог быть и коллективный психоз, т.е. мы почему-то внушили друг другу всё это» [35/621]. В последнем случае мы можем видеть пример того, как различается изначальная (детская) трактовка явления и последующая более поздняя его рефлексия респондентом. Этот аспект может быть исключительно важен как для трактовки специфического «детского» фольклора, так и для рассмотрения вопросов, связанных с детскими иррациональными страхами вообще.

Выводы

В вопросе о самих случаях детских свидетельств, мы можем обнаружить целый ряд существенных следствий. Так, мы можем заметить, что прямое приписывание сверхъестественным явлениям человеческой формы воплощения является достаточно редким. Аналогично, в вопросе об эмоциональной реакции мы можем видеть, что случаи, в которых респондент особо отметил состояние страха, связаны исключительно с нечеловеческими образами – вместе с тем, в случаях, когда образ связывается с человеком, состояние страха не отмечено. Можно предположить, что в данном случае сказывается влияние дихотомии «знакомый – не знакомый»: образы, имеющие знакомую форму, не кажутся угрожающими.

Не менее интересным может быть фактор среды: наши исследования показывают, что в подавляющем большинстве «детские случаи» локализованы в домашней среде – что, как было отмечено, несколько противоречит данным других исследований. Можно предположить, что здесь отрабатывается своеобразное ожидание чего-либо нового и незнакомого в условиях города, и восприятие дома как безопасного места – в такой системе восприятия исключительные явления, наблюдаемые в домашних условиях, вызывают большую реакцию.

Также важно отметить, что в существенном числе случаев мы можем видеть полное или частичное совпадение образности в сообщении респондента и сюжета, описанного в фольклористике – как, например, в случае с сообщением [58/621] и сюжетом «домовой ходит по дому, гладит по голове». Это может свидетельствовать о достаточно широком распространении свойственных фольклору трактовок сверхъестественных явлений. Однако, одновременно с этим мы можем видеть, что такие сюжеты нередко пересекаются и дополняются описательными характеристиками, менее свойственными традиции.

В целом, мы можем отметить определенный синкретизм в выявленных нами формах бытования и восприятия как в образности, так и в трактовках. Безусловно, это говорит о достаточно широком внедрении представлений о сверхъестественном в социальную практику, причем существующем нередко в отрыве от какой-либо четкой (мифологической или религиозной) системы взглядов на подобные феномены. Фактически, представления о сверхъестественном в приведенных нами случаях формируют своеобразный гипертекст, находящийся в специфической связи с окружающей реальностью и предлагающий достаточно широкий пласт трактовок.

Одновременно с этим, можно отметить, что в рассмотренных случаях прослеживается ряд компонентов, которые могут быть трактованы, как в значительной степени психологические феномены – такие, например, как проявления состояний гипнагогии (смещения состояний сна и бодрствования), фантомных воспоминаний или индуцированных идей и состояний.

Список литературы

1. Ван Хааске Л.А. Обвинительный дискурс Салемского ведовского процесса: опыт имагологического анализа / Л.А. Ван Хааске // Genesis: исторические исследования. – 2021. – №2. – С. 34–46. – DOI 10.25136/2409-868X.2021.2.35055.
2. Ван Хааске Л.А. Образы страха перед сверхъестественным в мифологической традиции Европы эпохи высокого средневековья / Л.А. Ван Хааске //

Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. – 2014. – №3. – С. 54–62; С. 58.

3. Волкова Т.В. Особенности восприятия дома в современной российской культуре / Т.В. Волкова // Вестник славянских культур. – 2012. – №4(26). – С. 40–44.

4. Гуили Р.Э. Энциклопедия привидений и духов / Р.Э. Гуили; пер. Борисова И.В., Бурмистрова А.М., Комарова Е.К. [и др.]. – М.: Вече; Александр Корженевский. 1997. – 654 с.

5. Дольник В.Р. Страхи во сне и наяву / В.Р. Дольник // Языки страха: женские и мужские стратегии поведения: материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 03–05 октября 2003 года) / под редакцией Н.М. Герасимовой, Е.Л. Мадлевской. – СПб.: Автономная некоммерческая организация «Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры», 2004. – С. 62–65.

6. Зиновьев В.П. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин / В.П. Зиновьев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruthenia.ru/folklore/zinoviev2.htm> (дата обращения: 20.10.2021).

7. Илюха О.П. Восприятие и освоение детьми запретных и таинственных мест в новом Советском городе: случай послевоенной Сортавалы / О.П. Илюха // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2020. – №58. – С. 129–143. – DOI 10.15382/sturIV202058.129-143.

8. Колесова А.О. Семья в восприятии детей младшего школьного возраста / А.О. Колесова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2010. – №2. – С. 298–304.

9. Липатова О.А. Феномен рациональности в культуре / О.А. Липатова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2011. – Т. 11. – №1. – С. 21–25.

10. Мирвода Т.А. Детский страшный повествовательный фольклор: к вопросу о жанровом многообразии традиции / Т.А. Мирвода // Вестник Томского

государственного университета. – 2018. – №436. – С. 38–48. DOI 10.17223/15617793/436/5.

11. Нелюбов М.И. Особенности атрибуции ложных и истинных воспоминаний / М.И. Нелюбов // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов (Светлогорск, 20–24 июня 2016 года) / отв. ред.: Ю.И. Александров, К.В. Анохин. – Светлогорск: Институт психологии РАН, 2016. – С. 443–445.

12. Панчин А.Ю. Паранормальный опыт: кошмары, сонный паралич и внетелесные переживания / А.Ю. Панчин // Лженаука в современном мире: медиасфера, высшее образование, школа: сборник материалов Четвертой Международной научно-практической конференции имени В.Л. Гинзбурга и Э.П. Круглякова (Санкт-Петербург, 24–25 июня 2016 года) / редколлегия: С.В. Тихонова (отв. ред.) [и др.]. – СПб.: ООО «Издательство ВВМ», 2017. – С. 53–55.

13. Свааб Д. Мы – это наш мозг: от матки до Альцгеймера / Д. Свааб; пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014. – 544 с.

14. Сединина Н.С. Возможность возникновения синдрома одержимости в настоящее время / Н.С. Сединина // XVI Съезд психиатров России. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Психиатрия на этапах реформ: проблемы и перспективы»: тезисы (Казань, 23–26 сентября 2015 года) / отв. ред. Незнанов Н.Г. – Казань: ООО «Альта Астра», 2015. – С. 511.

15. Смолярчук И.В. Особенности проявления страхов у детей дошкольного возраста / И.В. Смолярчук // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. – 2021. – Т. 20. – №1(47). – С. 94–100. – DOI 10.20310/1810-231X-2021-20-1(47)-94-100.

16. Швечиков А.Н. Проблема познания сверхъестественного в науке и религии / А.Н. Швечиков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – №97. – С. 143–150.

Лейонис Аанрис ван Хааске – преподаватель, АНО ВО «Московский международный университет»; куратор, Антропологическое общество имени Г.Ф. Лавкрафта, Москва, Россия.